

*Антошка Петрова,
Советский Союз*

ОЛЬГА ИСАЕВА

В классе над доской висели портреты Ленина и Маркса, а на задней стенке Ломоносов и Менделеев. Под Лениным крупными буквами было написано «Учиться, учиться и еще раз учиться», а под Марксом — «Жизнь есть единство и борьба противоположностей». Когда классная руководительница Нина Александровна объявляла субботник или сбор металлолома, Сомов с задней парты кричал, что Ленин завещал учиться, а не по помойкам за ржавыми кастрюлями бегать, и в знак протеста обещал объявить голодовку. Несерьезно, конечно, потому что он был отпетым хулиганом и двоечником и не то что на субботники, но и на уроки приходил, только если накануне к ним заглядывал участковый и грозил отправить его в колонию для малолетних преступников.

Ленина Антошка уважала, но что значит — учиться, учиться и еще раз учиться? Учиться и переучиваться еще туда-сюда, но три раза подряд учиться, это уж слишком. Ей больше нравилось про «единство и борьбу противоположностей». Она на эту тему сама много думала и пришла к выводу, что так оно и есть. Взять, к примеру, их с матерью — живут вместе, похожи так, что на детских фотографиях их друг от друга не отличить: обе светлоглазые, с едва заметными бровями и веснушками, с одинаковой задорной улыбкой и вздернутым носом. А притом нет, наверное, на свете двух таких непохожих людей, как они.

Например: Антошка хочет собаку, а мать вопит, что от собак только шерсть по углам да блохи. Антошка любит «Песняров», а мать — Муслима Магомаева, которого ласково называет Муслимкой, и когда он выступает по телевизору, так же как он, кривит рот, подпевая: «Ах эта свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала». И получается просто умора.

А еще мать любит порассуждать о том, что «в жизни всегда есть место подвигу», поэтому заставляет Антошку мыть пол, выносить мусор на помойку и стоять в очереди за мороженым хеком, хотя ясно, что халва вкуснее, а купить ее можно без всякой очереди. И характеры у них совершенно разные: мать считает, что если можно сидеть, то незачем стоять, а если можно лежать, то и сидеть необязательно, а Антошке две минуты на месте усидеть трудно. Учителя называют ее вертушкой и ставят четверку по поведению. Только физрук уважает за ловкость и находчивость.

А еще Антошка любит мечтать. В четвертом классе ее лучшая подруга Люська Данилова по прозвищу Люсинда дала ей на две недели «Денискины рассказы». Эта книжка так Антошке понравилась, что некоторые рассказы она даже читала матери вслух, и обе хохотали до слез. Но были в ней и грустные рассказы. Их Антошка матери не читала, чтобы не расстраивать. У нее и так жизнь трудная.

Один грустный рассказ назывался «Девочка на шаре». Там было про то, как Дениска пошел в цирк и влюбился в девчонку, которая работала там гимнасткой. От зависти у Антошки прям сердце закололо. Она сама мечтала выступать в цирке и даже номер себе придумала. На темной арене загорается светлый круг — в нем девочка на шаре. Все хлопают. Антошка, а это именно она, командует: «Алле!», и рядом с ней загорается еще один круг. В нем тоже на шаре, но только поменьше, в точно таком же серебряном костюмчике, на задних лапках стоит собачка. Антошка даже имя ей придумала — Юла. Зал смеется и аплодирует. Играет оркестр, вспыхивает свет. Балансируя на шаре, Антошка жонглирует кольцами, а Юла ловит их пастью.

Мечта о цирке прекрасно уживалась в Антошке с мечтой о космосе. Полетела же туда Валентина Терешкова! Антошке представлялось, как она долго и упорно тренируется в Звездном городке на тренажерах, а потом ее отправляют на Луну, не одну, конечно, а со взрослыми. Может, и Юлу туда разрешат взять. Антошка прыгает и кувыркается в безвоздушном пространстве, укрепляет в лунном грунте флаг СССР, любитесь огромной голубой Землей, где сидит пе-

ред телевизором и волнуется мать, и Антошкино сердце щемит от любви и благодарности к народу, доверившему ей совершить этот подвиг.

Но все это было в мечтах, а пока Антошка тренировала дворовую собаку Жужку, пытаюсь научить ее говорить или хотя бы считать до десяти, и, конечно, тренировалась сама. Она очень быстро научилась кувыркаться, делать шпагат и колесо, быстро бегать, высоко прыгать, а еще она мечтала плавать в бассейне.

Когда в спорткомплексе «Знамя труда» начали строить бассейн, она просто дожидаться не могла, когда в нем можно будет начать плавать круглый год, но, видимо, кто-то у них там проворовался, и стройка встала. Так что Антошке прямо плакать хотелось — жизнь-то проходит!

Однажды во время урока алгебры к ним в класс пришел суровый дядька в спортивном костюме, с лицом, как на плакате в музее истории «Ты записался добровольцем?» Оказалось, что он — тренер по спортивной гимнастике, и вместо контрошки их гуськом повели в спортзал, где он стал проверять всех на гибкость и выворотность.

Антошка была так довольна, что контрошки не будет, на радостях прошлась колесом, а уж про шпагат и мостик из положения лежа и говорить нечего. В результате из целой параллели в секцию по спортивной гимнастике отобрали только ее и Ленку Завьялову из пятого «А». Другие девчонки, конечно, обиделись, но Антошка переживать не стала — пообижаются и забудут. Зато сама она, хоть и очень радовалась, но на душе кошки скребли от предчувствия, что мать не разрешит. Особенно до тех пор, пока Антошка не исправит тройку по математике.

Вечером за ужином мать спросила:

— Ты чего это такая?

Антошка насторожилась:

— Какая?

— А как свекла вареная?

Антошка еще не решила — говорить матери про секцию или вообще не упоминать о ней, но та так пристально посмотрела, что пришлось признаться. Как и ожидалось, мать гавкнула:

— Тебе учиться надо, а не ногами дрыгать.

Антошка как могла жалобнее проныла:

— Мам, ну пожа-а-луйста!

Но та отрезала:

— Сказано — нет, и всё тут.

В носу у Антошки защипало, на глазах выступили слезы, и чтобы не разреветься, она вскочила и выбежала из комнаты, случайно хлопнув дверью так, что фужеры в серванте испуганно звякнули. Она долго и безутошно рыдала на крыльце, представляя себе, как она простудится и заболеет. Доктора скажут матери, что дочь у нее не жилец, и тогда мать все поймет, но будет поздно. Удивительно, но мысль эта ее успокоила, так что когда мать выглянула на крыльцо и как ни в чем не бывало спросила: «Чай-то пить будешь? Иди, а то остынет», Антошка покорно вернулась домой.

Что ты с ней будешь делать? Сама как с работы придет да поест, сразу к телевизору кидается или к Нинке Жуковой в «дурака» резаться идет, причем мухлюет ужасно. А бедной дочери и посуду приходится мыть, и уроки делать, и никакого к ней сочувствия нету.

За чаем Антошка проворчала:

— Из всех пятых только меня и еще одну девчонку в секцию выбрали.

А мать тут как тут:

— Вот пусть она и ходит, а ты сначала математику подтяни, а там решим, что тебе со своей жизнью делать.

От досады Антошка опять не выдержала и, плюхнувшись ничком на кровать, зарыдала, а мать, очень довольная, от стола утешала:

— Да ты пойми, дуреха, я же тебе добра желаю. Без аттестата человек ноль без палочки. Хочешь, как я, всю жизнь химикатами дышать да колбы в лаборатории мыть?

В ответ Антошка только хлопала носом, но на следующий день, когда мать ушла на работу, прихватила с собой в школу мешок со спортивной формой и после уроков вместе с Ленкой Завьяловой побежала в спорткомплекс.

Вообще-то раньше они не дружили, потому что Ленка была «ашницей», а Антошка — «бешницей», но не таскаться же на тренировки в одиночку. Пока шли, жаловались друг другу на родителей. Ленка вообще от греха подальше никому из своих про секцию не сказала. Зачем? Там и так все в ужасе оттого, что сестра неизвестно от кого залетела, а тут еще она со своей секцией вылезет. Выслушав Ленкины доводы, Антошка горько раскаивалась, что так по-дурацки засыпалась, но, с другой стороны, не было еще в жизни случая, чтобы мать не узнала правду. Недаром же она любила повторять: «Правда дырочку найдет».

Вспомнить хотя бы, как еще в первом классе Антошка надела ее обручальное кольцо во дворе, чтоб перед девчонками пофорсить, да и забыла про него. А когда хватилась, кольца на руке уже не было. Обычно оно лежало в нижнем ящичке подзеркальника, в оставшейся от отца пепельнице, рядом с его фотографией, и мать почти никогда туда не заглядывала, но в тот день как назло чуть пришла с работы, сунулась искать какие-то документы, и тут же хват Антошку за ухо: «Где кольцо?» Пришлось ей с красными, как у марсианина, глазами и ушами, бежать в темный двор и там с фонариком искать кольцо в лужах и траве. Но найти его, конечно, не удалось. Мать ей здорово тогда врезала, но довольно быстро успокоилась, тем более что кольцо было не золотое, а только позолоченное. Однако с тех пор нет-нет, да и вспомнит, особенно когда выпьет с Танькой Жуковой и давай на весь барак орать: «Ах, не кольцо нас разлучило, а разлучила нас судьба», и этот крик у них песней зовется.

От школы до спорткомплекса было недалеко. Надо было только перейти через железную дорогу и пройти мимо стадиона, а там уже было рукой подать до серого кирпичного здания, над входом в который висел красный лозунг: «Спорт — это мир». В предбаннике толпились какие-то девчонки с растерянными лицами, но внутрь их не пускала щекастая тетка-вахтерша. Наконец, по лестнице сбегал тот самый суровый дядька, которого, оказывается, звали Сергеем Ивановичем, и, кивнув щекастой, буркнул: «Значит, так, эти со мной».

Кроме Антошки и Ленки в группе было еще десять человек. Когда все переоделись в довольно вонючей раздевалке, тренер выстроил их в зале и сказал речь о том, как нужны Родине настоящие гимнасты, которые на международных соревнованиях смогут отстаивать честь советского спорта в битве с врагами из капиталистических стран.

Тут выяснилось, что чуть ли не каждую фразу он начинал со слов «значит, так», а заканчивал выражением «и полный компот». Обращаясь ко всем девчонкам, как к одной, он втолковывал:

— Значит, так, будешь думать головой, дело пойдет и будет полный компот, а будешь фигли-мигли строить, лучше сразу уйди и чужое место не занимай. Народ у нас способный, незаменимых людей — нет.

Все девчонки как одна обещали думать головой, но Антошка понимала, что без материнского разрешения в секции она не задержится, поэтому сразу же после занятия подошла к тренеру и сказала:

— Сергей Иванович, мне мать в секцию ходить не разрешает.

Тот недовольно вскинул брови:

— Мать, а отца что, нету?

Антошка покачала головой.

— Значит, так, нос не вешай, адрес давай, я сам с ней разберусь, и будет полный компот. А то ишь, паца — не разрешает. А партия прикажет — и разрешит как миленькая.

Весь вечер Антошка волновалась, при каждом шорохе взглядывая на дверь, но Сергей Иванович так и не пришел. Зато на следующий день не успели они с матерью сесть ужинать, как в дверь постучали, и на пороге возник Сергей Иванович в пальто с оттопыренным карманом. Мать удивилась, а Антошка вся внутренне сжалась, но виду не подала.

Тренер представился:

— Значит, так, я из общества «Знамя труда», хочу обсудить тут одно дело, — а Антошке приказал:

— Пойди выйди, пока мы тут потолкуем. Да не подслушивай, а через полчаса возвращайся, и будет полный компот.

Мать возмутилась:

— С какой это стати? Я вас, кажется, к себе домой не приглашала. И нечего моему ребенку приказывать.

Но, залившись краской до ушей, Антошка вскочила и с бьющимся сердцем выбежала из комнаты.

Неизвестно, как Сергею Ивановичу удалось убедить мать, но только когда Антошка вернулась, он уже без пальто сидел за столом и своими железными зубами наворачивал картошку с котлетой, а мать, заботливо разливая по стопочкам принесенную тренером поллитру, улыбнулась:

— Ну входи, молодой подающий надежды талант. Так и быть уж, если обещаешь без отрыва от производства учиться на одни четверки, ходи в свою секцию, покоряй вершины спорта.

Сергей Иванович с набитым ртом поддакнул:

— Да я сам у нее каждый день дневник буду проверять.

А когда Антошка присела к столу, протянул ей налитую стопку

— Выпьешь?

Залившись краской, та шепнула:

— Я не пью.

Он одобрительно крякнул:

— Вот и молодец.

А вообще-то он никого не хвалил. В тренерском кабинете висел его молодой портрет в военной форме с медалями и еще один довоенный — в майке и шароварах на кольцах вниз головой. Глядя на них, без объяснений было ясно, что война помешала Сергею Ивановичу стать чемпионом, и всего себя он посвятил воспитанию подрастающего поколения.

Спортзал был огромный. Одновременно в нем занимались гимнасты, акробаты и прыгуны на батуте. Антошка, как увидела батут, сразу так в него влюбилась, что даже хотела перебраться из спортивной гимнастики в батутную секцию, но тренер, смерив ее тяжелым взглядом, сказал: «Я тебя породил, я тебя и убью», и пришлось остаться, тем более что гимнастикой заниматься ей тоже очень нравилось.

В зале пахло пыльными кожаными матами, деревянным полом, тальком, хлоркой и потом. Антошке нравилось, рассуждая о том о сем, не спеша идти с Ленкой в спорткомплекс, втайне гордясь, показывать пропуск на вахте, подрагивая от нетерпения, переодеваться в купальник и чешки, опускать руки в мягчайшее облако талька и подходить к брусью. Ей нравились и другие снаряды, но разновысокие брусья были самые любимые. На них у нее лучше всего получалось, да и вообще она сразу стала в группе ведущей.

Иногда посмотреть на их занятия приходили другие тренеры. Внимательно следя за Антошкиными «висом», «упором», фляками и группировками, они скептически спрашивали: «Иваныч, а мать-то ты ее видал? Не раскоровеет она у нас через два года?», а тот авторитетно заявлял: «Не должна. Мать у нее бабенка крепкая. А наша точь-в-точь в нее».

К концу тренировки в зал приходили старшие девочки, у которых был уже второй или даже первый взрослый разряд. Девчонки из Антошкиной группы спорили:

— Ира Холодова — моя будет.

— Нет, моя! Я ее первая выбрала.

— Тогда моя будет Аня Кузнецова.

— Нет, ее уже Светка Конькова себе забила.

Антошке все старшие девочки нравились — стройные, подтянутые, с четкими, выверенными движениями и замечательной техникой. Но однажды Сергей Иванович оставил младшую

группу посмотреть на показательную тренировку его лучшей ученицы Лиды Харламовой, которая, несмотря на то что ей всего четырнадцать лет, была уже мастером спорта и с нового учебного года должна была переехать в Москву во Всесоюзную спортшколу для особо одаренных гимнастов.

Антошка ожидала увидеть взрослую красивую девушку, но оказалось, что Лида щуплая, с хвостиками и всего на полголовы выше ее самой. Сергей Иванович Лиду тоже не больно похваливал, а в основном ругал, говоря: «Другие похвалят, а ты за мою строгость мне еще спасибо скажешь», но было заметно, что он смотрит на нее так же, как Мичурин в кино по ботанике смотрел на выведенные им яблоки, а сосед дядя Миша у них в бараке — на закупоренную поллитру, до тех пор пока его жена тетя Сима не скамандует: «Открывай, что смотришь на нее, как на неродную».

После того как Антошка увидела, что вытворяет Лида на брусьях, она чуть с ума не сошла. Ночи не спала, прокручивая в голове все группировки, пируэты, махи и перемахи. Отпустив Лиду после показательной тренировки, Сергей Иванович сказал: «Все вы, конечно, как Харламова, через четыре года летать не будете, но кое-кто, если будет работать, как она, может ее и переплюнуть». Антошке показалось, что это он лично ей говорил, и твердо решила «работать».

С ладоней ее не сходили мозоли, с бедер — синячищи. К боли она скоро научилась относиться, как к необходимому элементу тренировок, и уже не ныла, как раньше, свалившись с бревна или сорвавшись с брусьев, а вставала и вновь шла к снаряду. Через полгода, минуя третий, она получила второй юношеский разряд и заняла первое место по городу в упражнении на бревне. Вручая ей вымпел, Сергей Иванович подмигнул: «Шустри дальше».

Мать уже не заикалась о дрыганьи ног, с тех пор как увидела Антошкино выступление на первенстве города. Когда барак почти в полном составе пришел поздравлять их с победой, Антошка с удивлением заметила в глазах у матери блеск загоревшейся в ней гордости. Соседи наперебой чокались с матерью, говоря: «Твоя-то далеко пойдет», а мать скромно поправляла: «Не пойдет, а взлетит».

Из той группы, с которой Антошка начинала, несколько девчонок отсеклось, зато появилась новенькая, Света Старикова, приезжавшая на тренировки из другого города. Сергей Иванович часто оставлял их со Светой на индивидуальные занятия, и вместо двух раз в неделю они теперь ходили в спорткомплекс каждый день, включая субботы. Дела у Антошки в школе шли со скрипом, потому что делать уроки ей приходилось урывками, но Сергей Иванович, действительно каждую неделю проверявший ее дневник, сходил к директору и убедил сделать для нее льготный график обучения. С тех пор учителя стали относиться к ней как к человеку, а Сомов даже написал записку: «Антошка, ты классная девчонка, прости, что я тогда облил тебя чернилами. Давай дружить». Но дружить ни с кем, кроме Ленки Завьяловой, у Антошки времени не было. Даже с Люсиндой их дружба свелась к тому, что та давала ей списывать математику, а Антошка учила ее делать колесо.

Два года она прожила, почти не выходя из спортзала. Из этих лет ей запомнились только новые элементы и комбинации, соревнования, сборы, спортлагерь «Старт», в который она ездила на все лето, плюс зимние каникулы. А там было все то же: тренировки, тренировки и еще раз тренировки. Теперь-то Антошка понимала, что Ленин имел в виду.

Понимала она также, что поднялась пока по спортивной лестнице только на первую ступеньку, а впереди еще целая тысяча, но не сомневалась, что если не халтурить, не жалеть себя и не задаваться, то ей удастся подняться на самый верх. Два года, засыпая, она представляла себе зал, где проходят Олимпийские игры по спортивной гимнастике. В командном турнире побеждают румынки, уже выступили и Людмила Турищева, и Ольга Корбут, теперь все зависит от выступления самой молодой гимнастки, о которой еще никто в мире никогда не слышал. Тысячеглазый взгляд огромного притихшего зала прикован к маленькой фигурке на ковре. Голос диктора объявляет — Антонина Петрова, Советский Союз. Антошка снимает с себя куртку

с надписью СССР и идет на старт. Ее движения четки и изящны, все ее существо устремлено к победе, тело безукоризненно выполняет тысячи раз повторенные во время тренировок комбинации. Команда смотрит на нее с надеждой, а за барьером, скрывая волнение, как дрессированный тигр, мечется Сергей Иванович. Антошка делает финальное сальто и замирает с последними звуками музыки. Зал взрывается аплодисментами, девочки бегут к ней по ковру обниматься. Дома, глядя на нее по телевизору, мать плачет и смеется от счастья. А Сергей Иванович говорит: «Молодец, не подвела Родину».

Седьмой класс Антошка еле дотянула на тройки. Впереди были городские соревнования, на которых ей предстояло сдать экзамен на кандидата в мастера спорта. За два года она научилась справляться с волнением с помощью дыхания и счета, она не обращала внимания ни на лесть, ни на сплетни со стороны девочек, но на неподвижном и серьезном лице Сергея Ивановича научилась различать и одобрение, и недовольство.

За несколько дней до соревнований она делала упражнение на бревне. Как не раз бывало, после двойного пируэта ей не удалось сохранить равновесие, но на сей раз приземлилась она не на мат, а на чугунную станину, к которой были привинчены стойки бревна. Обычно это место было укрыто матами. Перед тем как идти к бревну, гимнастки проверяли, все ли маты на месте. Как случилось, что сейчас опасное место осталось незащищенным, было непонятно.

Упав, Антошка взвыла от боли, попыталась встать, но тут же вновь рухнула. Острейшая боль пронзила все тело. Первая мысль была: «Ой, а как же первенство?» Перед глазами все расплылось, тающим сознанием она расслышала голос Сергея Ивановича, приказавшего: «Значит, так, главное не двигайся и не паникуй. Щас пошлем за врачом, вызовем “скорую”, и будет полный компот». Подбежавшему тренеру секции акробатики Сергей Иванович крикнул: «Петрович, звони скорее. Я прямо слышал, как нога у нее хрустнула». Девочки столпились вокруг, сочувственно глядя на сразу осунувшееся и посеревшее от боли Антошкино лицо.

Пришла она в себя, только когда врач спорткомплекса сделал ей укол, но стоило боли отпустить, как за горло схватила жгучая досада. «Что же теперь будет? Как же мой разряд?» — преследовала мысль, пока санитары несли Антошку на носилках по лестнице, везли в больницу, сдавали с рук на руки врачу в отделении травматологии. В ней все еще теплилась надежда, что, осмотрев ногу, врач скажет: «Ничего страшного, через две недели будет бегать, но тот коротко и безапелляционно сказал: «Рентген».

Снимок показал, что Антошка сломала ногу в двух местах, и о тренировках на ближайшие два-три месяца не может быть и речи. Медсестры и санитарки поразились тому, как стойко она выдерживала боль, а врач, накладывавший гипс, философски протянул: «Да, физкультура лечит, а спорт калечит».

Травма оказалась серьезнее, чем думали даже врачи, потому что поначалу кость срослась неудачно и пришлось снова ломать ногу. Полгода Антошка пролежала в больнице, а потом еще несколько месяцев ходила в гипсе. В самом начале ее пару раз в больнице навестили девочки из группы. Один раз зашел и Сергей Иванович с кульком яблок. Было видно, что ему неловко говорить с Антошкой не по делу, а просто о том о сем. Он не знал, куда себя деть, взгляд его блуждал по палате, где кроме Антошки лежало еще девять человек. Он пробормотал: «Как у нас в тыловом госпитале». Антошка чувствовала себя виноватой, что так подвела свою команду, но Сергей Иванович успокоил, рассказав, что Светка Старикова получила кандидата в мастера и, видимо, скоро ее, так же как Лиду, переведут в Москву. Почему-то эта новость Антошку не слишком обрадовала, хотя она изо всех сил это скрывала. О том, что самого Сергея Ивановича пригласили стать младшим тренером сборной РСФСР, он не упомянул. Антошка узнала об этом от Ленки Завьяловой, когда через несколько месяцев вновь стала ходить в школу. После ухода Сергея Ивановича Ленка секцию забросила, потому что сестре надо было помогать с маленьким, а новая тренерша ей «не показалась».

Тем не менее, как только врачи сняли с Антошки гипс, она прихромала в спорткомплекс. Всё ей там показалось каким-то другим — меньше, обшарпанней, душнее. Группу, с которой она

прозанималась два года, с уходом Сергея Ивановича расформировали. Было ощущение, что за восемь месяцев, пока она лечилась, в мире что-то непоправимо изменилось. Новый тренер пристегнул ее к группе первоклашек, делавших те же комбинации, которые она научилась делать только в шестом классе. Среди этих клопов Антошка чувствовала себя неуклюжей тетей. Тело ее потеряло былую гибкость, во время упражнений на бревне она думала в основном о том, как бы не свалиться и вновь не покалечить ногу. Когда в ответ на какую-то очередную грубость нового тренера она сказала, что ноги ее больше в секции не будет, тот лишь презрительно процедил: «Скатертью дорожка».

Так Антошка рассталась с мечтой о большом спорте, но без мечты ведь человек долго жить не может, недаром же Сергей Иванович любил повторять, что «мечта — это двигатель прогресса». Пока Антошка лежала в больнице, от скуки и сочувствия к лежащим больным она стала помогать нянечкам и медсестрам, часто присутствовала на всяких процедурах. Когда ее выпи-сывали, все до одной сокрушались: «Как же мы без тебя справимся-то, уж такая ты у нас была помощница». Антошка знала, что это они просто так говорят, чтобы сделать ей приятное. Зато когда вышла из больницы, кое-какие полученные навыки ейгодились.

Однажды соседский кот Котовский — здоровенный крутолобый бандит и воруа, поцапавшись с собакой, взлетел на высоченный тополь, а спуститься не смог. Сидя на самом верху, он душераздирающе мяукал, но вниз даже смотреть боялся. Как ни пытались его приманить, он только еще больше сердился: «Мол, помогите, сволочи, я же тут наверху один околею». Долгое время не знали, что с ним делать. Вызвали участкового, тот посоветовал позвонить в пожарную команду. К тому времени Котовский уже совершенно обезумел. Когда, взобравшись по приставной лестнице, пожарный попытался его снять, Котовский так запаниковал, что вырвался и шмякнулся с пятнадцатиметровой высоты.

Говорят, кошки умеют во время полета собираться, но тут высота была такая, что вообще было непонятно, как он не расшибся насмерть. Антошка принимала активное участие в его спасении, поэтому когда Котовский упал в траву без признаков жизни, она привела его в чувство и по всем правилам наложила шины на сломанные лапы. Через месяц Котовский совершенно оправился и даже забыл, кто его спас, но сама Антошка не забыла.

Сидя дома, она поневоле пристрастилась к телевизору. Передачи про спорт смотреть опасалась, чтобы не растравлять еще незажившую душевную рану, но с нетерпением ждала начала «В мире животных» и «Клуба кинопутешествий». Мало-помалу горечь от постигшей ее неудачи стала смягчаться, и внутри вновь зазвучала тихая музыка мечты. Антошка училась в седьмом классе. Вместо ботаники они теперь изучали зоологию, которая ей еще больше нравилась. Динозавры, птеродактили, мамонты и саблезубые тигры, на смену которым пришли человекообразные, потрясли ее воображение. Слово «эволюция» казалось прекрасным и таинственным. Чуть ли не каждую неделю Антошка ходила в библиотеку, выискивая там книги про животных и путешествия, а засыпая, мечтала, что вместе с Юрием Сенкевичем и Николаем Дроздовым поедет в кругосветное путешествие, чтобы привезти в Московский зоопарк разных экзотических животных. При этом она хорошо понимала: для того, чтобы из всех желающих поехать в это путешествие выбрали именно ее, она должна учиться, учиться и еще раз учиться. Сейчас эта фраза уже не казалась ей такой безумной. Что же касается «жизни как единства и борьбы противоположностей», то здесь у нее появились кое-какие сомнения, потому что жизнь — теперь она уже это точно знала — была намного сложнее и интереснее.

■□■